

Введение

Предлагаемый выпуск серийного издания «Экономические и социальные проблемы современной России» посвящен изменениям, произошедшим в отечественной экономической науке и экономическом образовании в ходе социально-экономической трансформации в конце 1980-х – 1990-х годах и отчасти их состоянию и процессам, происходящим в настоящее время. Авторы издания вполне отдают себе отчет в том, что такая обширная проблематика не может быть сколько-нибудь обстоятельно отражена в столь небольшом по объему издании, и рассматривают его как первое приближение к цели.

Сборник делится на две пересекающиеся в содержательном плане части. В первой части представлены работы, посвященные трансформации российской экономической науки, начавшейся в годы перестройки и в известной степени не завершенной до сих пор. При этом процессы, происходившие в отечественной экономической науке, рассматриваются с историко-методологических и отчасти институциональных позиций. Вторая часть посвящена проблемам образования, предлагается рассмотреть изменения, затронувшие содержание курсов прежде всего в области экономической теории, и дискуссии относительно содержания базовых учебников, а также процессы в системе высшего экономического образования в целом, включая качество образования и потребности в экономистах.

Об остроте и актуальности проблемы свидетельствуют многочисленные публикации на эту тему, которые, как правило, сочетают попытки объективного анализа того, что было, и того, что стало, и некоторую нормативную компоненту, обращенную как на прошлое, так и настоящее и будущее. И это естественно, поскольку процессы трансформации в этих областях еще не завершены, и исследователи понимают, насколько важны эти области для будущего страны. Кроме того, каждый пишущий на

эти темы в то же время является и являлся участником исследуемых процессов и привносит собственный опыт.

При всем разнообразии и противоречивости точек зрения и оценок ясно, что отечественная экономическая наука и образование прошли через глубокий кризис, явившийся частью общего трансформационного кризиса 80–90-х годов. Второй раз в XX в. обе эти системы испытали шок, вызванный прежде всего внешними или по терминологии К. Поппера вненаучными факторами, но именно это обстоятельство и определило масштабы перемен, и в частности, изменение содержательной стороны как науки, так и образования, разрушение самого научного сообщества, институциональной структуры науки и образования.

После долгого пребывания в условиях изоляции (что означало не только подчинение идеологическому диктату, но и существование вне конкурентной среды мировой экономической науки), приведшего к формированию особой дисциплины – марксистской политической экономии, и соответственным образом ориентированной системы теоретического экономического образования, и наука, и образование оказались перед лицом очень сложной проблемы – поиска новых основ, определения новых ориентиров развития, формирования новых институциональных структур, наконец, интеграции в мировые научный и учебный процессы. Для быстрого решения этой задачи имеющихся ресурсов (не только финансовых, но и интеллектуальных) было явно недостаточно. Специфика и сложность ситуации состояли в том, что направление и характер преобразований определялись в рамках самой науки и самими экономистами, сформировавшимися как ученые в прошлые, советские годы. Во многом аналогично дело обстояло и в системе образования. Прошрое неизбежно оказывало воздействие на процесс изменений, не зависимо от того, с какой степенью критики к нему относились. Политически и идеологически советский период и господство марксистской политэкономии закончились, но «привычный образ мышления» сохранялся.

Марксистская политэкономия была не просто одной из парадигм, а господствующим мировоззрением экономистов, определяющим язык науки, проблемные области, критерии истинности и правила ведения дискуссии, способы взаимодействия ученых и т.д., причем все это не противоречит тому, что могли (в разные периоды в разной степени) существовать различные точки зрения по отдельным вопросам, не касающимся концептуальных основ. В силу всего этого отказ от марксистской парадигмы привел к разрушению концептуального каркаса науки и само-

го научного сообщества, что придало особую остроту вопросу о будущем отечественной науки.

Конечно, отказ от марксистской идеологии сделал возможным преодоление марксизма в области экономической науки. Однако, во-первых, связь между идеологией и экономической наукой вообще (не только марксистской) очень сложна и запутана, а во-вторых, даже потерпев поражение, идеология не исчезает полностью, а подобно зеркалу Снежной королевы разлетается на куски, которые попадают нам в глаза. И в этом проявляется сходство между идеологией и экономической наукой. В последней, как известно, практически не бывает, чтобы теория (парадигма) умерла, не оставив потомства, пусть и не такого цельного и значимого, как исходная.

Крушение советской экономической науки началось в конце 80-х годов, когда вместе с критикой социализма был поставлен вопрос об адекватности марксистской политэкономии и она была признана ложной, причем сначала в авангарде критики шла публицистика, профессиональное сообщество с некоторым запазданием признало необходимость отказа от марксистской политэкономии и перехода к новой парадигме. Это произошло к началу 1993 г.¹, и встал вопрос об определении ее контуров.

Сначала, отчасти под влиянием волны реабилитаций и открытий неизвестных страниц истории отечественной науки, взоры обратились к прошлому, как к советскому, так и к дореволюционному. Однако уже скоро выяснилось, что восстановление традиции, прерванной революцией 1917 г., невозможно. Любая наука – это не только совокупность знаний, но и школы, традиции (в том числе общения, передачи знания, ведения дискуссий, способов убеждения и т.д.), и перерыв в несколько десятилетий здесь фатален. Кроме того, сама экономическая наука, как и ее предмет, за шесть-семь десятилетий настолько изменились, что знание, накопленное, скажем, к середине 20-х годов, сегодня представляет интерес скорее исторический, чем теоретический или практический. В результате вопрос свелся к следующему: выбрать из существующих сегодня парадигм или пытаться создать нечто особенное?

Достаточно быстро здесь определились два подхода. С одной стороны, предлагалось за основу принять то, что условно можно назвать

¹ Этому важному периоду, ознаменовавшему завершение эпохи советской экономической науки, посвящена работа Й. Цвайнерта (см. с. 33–62 настоящего издания). В ней автор, основываясь на анализе публикаций в ведущих экономических журналах и публикаций на экономические темы в широкой печати, предлагает пейзаж «интеллектуальной битвы».

либеральной идеологией, и соответствующую экономическую парадигму и, как следствие, — стратегию «догоняющего развития» экономической науки, предполагающую скорейшее освоение западной экономической теории со всеми вытекающими из подобной стратегии проблемами и издержками (впрочем, далеко не сразу в полной мере осознанными). При этом ясного представления ни о связи современной экономической теории с либеральной доктриной, ни о возможностях подобного освоения, ни о том, что представляет собой современная западная экономическая наука и что такое экономическая теория в современном понимании, не было даже у сторонников этой стратегии. Крайним проявлением подобного подхода было некритическое восприятие *mainstream economics* в ее учебном варианте как воплощения западной экономической мудрости, а также (и это особенно проявилось в первые перестроечные годы) агрессивное отстаивание либеральных ценностей и якобы неразрывно с ними связанных экономических теорий.

С другой стороны, обозначилось стремление к созданию альтернативы и марксизму, и либерализму, которое подкреплялось неприятием духовной экспансии извне, протестом против идеологически окрашенной и поверхностной критики марксизма, жесткой решительности первых реформаторов и т.д. В своих крайних формах это направление привело к тому, что, с одной стороны, стала разрушаться граница между научным и ненаучным знанием, а экономическая проблематика — растворяться в философии, этике, религии, а с другой стороны, наметилось стремление расширить границы предмета экономической теории вплоть до включения в нее экономики отраслей, социальной проблематики и т.д., т.е. получения некоторой смеси из марксизма, здравого смысла и основ *economics*¹.

Противостояние этих двух тенденций, которое, как правило, выходило и выходит за рамки научного дискурса, отражало различные мировоззренческие позиции, политические пристрастия, наконец, групповые интересы. Это противостояние, как эхо старых споров между славянофилами и западниками, между «западничеством» и «мессианством»², в значительной степени до сих пор определяет расстановку сил в отечественной науке и подобно этому старому спору ведет к растрате ограниченных

¹ О дискуссии по вопросу содержания и структуры учебников экономической теории см. «Трансформация содержания курсов экономических дисциплин в ходе реформы образования» на с. 72–98 настоящего издания.

² Май В. История советской экономической науки: подведение итогов // Вопр. экономики. — М., 1993. — № 1. — С.31.

интеллектуальных и материальных ресурсов, но заметим, в отличие от последнего часто напоминает процесс, известный в экономической теории как «поиск ренты».

Подобное противостояние не представляет собой уникального российского явления. Оно, хотя и в несколько иной форме, наблюдается и в других бывших социалистических странах. Как можно видеть из работ, представленных в настоящем издании¹, происходившие в России и в этих странах процессы были во многом схожими, хотя и не тождественными. Во всех постсоциалистических странах имело место противостояние между экономистами, принадлежащими к разным поколениям, хотя не всегда позицию того или иного экономиста определял его возраст. Представители старшего поколения протестовали против засилия *экономикс* прежде всего из идеологических и этических соображений, а также из-за жестокой решимости реформаторов и переносили на *экономикс* вину за негативные результаты политики реформ. Молодые экономисты были более восприимчивы к новым веяниям, однако их собственные знания западной экономической теории были, как правило, крайне недостаточными. Здесь ситуация в большой степени зависела от степени «открытости» страны в социалистический период.

В более открытых странах, например в Польше и Венгрии, людей, хорошо знакомых с западной теорией, было больше, в остальных – меньше. Россия была достаточно закрыта от проникновения западной экономической науки, некоторыми знания в этой области обладали прежде всего те, кто занимался критикой буржуазной политэкономии, зарубежной экономикой и отчасти экономико-математической проблематикой. Именно они стали первыми переводчиками западных учебников, преподавателями экономической теории, а также инициаторами реформ. Но и от этих людей трудно было ожидать глубоких знаний экономической теории, которую практически никто не изучал систематически, в противном случае вряд ли была бы возможной исключительная популярность Дж. Сакса или другие подобные проявления наивного энтузиазма.

Экономическая наука во всех постсоциалистических странах прошла сходные этапы: критики, открытия и увлеченности Западом, разочарования (в том числе и в связи с оценкой экономистами своего места на

¹ См. предлагаемые в настоящем издании работы: «Экономическая наука в странах Центральной и Восточной Европы» и «Трансформация содержания курсов экономических дисциплин в ходе реформирования высшего образования», «Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х–1990-е годы): Революция и рост научного знания».

международном рынке экономических идей, роли, которую они играли в совместных исследованиях, и перспектив последних); наконец, стала определяться «компромиссная» (в том числе и с точки зрения различных групп экономистов) область исследования, где в силу ряда обстоятельств у представителей этих стран сохранились некоторые исследовательские перспективы.

Ситуация в России аналогична, но в отличие от других бывших социалистических стран здесь у экономической науки было больше возможностей как для сохранения старых институциональных и организационных структур и создания новых, так и амбиций (основанных в том числе и на более значительных достижениях науки в досоветском периоде по сравнению с тем, о чем могли вспомнить экономисты почти всех этих стран). Примечательно, например, что если по отделению экономики РАН в конце 80-х – 90-е годы фактически не только не было ликвидировано ни одного экономического института, но было создано больше десяти, так или иначе связанных с экономической проблематикой¹, в других бывших соцстранах практически все подобные институты были либо ликвидированы, либо сокращены до минимума, часто вместе с академиями; более того, фактически это означало отказ от претензий на собственные разработки в области теории.

После 1993 г., когда кризис экономической науки в России был зафиксирован и была признана необходимость новой парадигмы, началось активное осмысление ее возможных контуров и элементов. Активизировался процесс освоения западной экономической теории и начали предприниматься попытки применения ее инструментария при анализе переходных процессов в России². В то же время экономическое образование, будучи более консервативной структурой, чем наука, тем не менее попыталось сделать «прыжок» от одной экономической культуры к другой. В этот период началось почти параллельное освоение преподавателями и студентами переводных западных стандартных учебников *economics*³; стали появляться курсы с новыми названиями, разрабатываться

¹ По данным, приведенным в: Российская академия наук. 1991–2001 – М., 2002.

² Эти процессы нашли свое отражение, например, в содержании и структуре ведущих экономических журналов: в их рубриках появляются «микро-» и «макроэкономика», «институциональные изменения», наконец, теоретические работы авторитетных западных ученых; журналы начинают публиковать главы учебных пособий.

³ Среди первых переводов следует назвать: Хейли П. Экономический образ мышления. – М., 1991 (книга издана при участии издательства «Catallaxy», ставшего рупором идей либерализма в духе Ф. Хайека и Л. Мизеса); Макконнелл К., Брю С. Экономикс. – М., 1992; Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. – М., 1993)

новые программы. При этом в чистом виде неоклассический мейнстрим даже на вводном уровне преподавался редко, чаще в курсе, именуемом «экономическая теория», студентам предлагалась смесь неоклассики и марксизма. Заметим, что и сегодня нельзя утверждать, что эта традиция полностью изжита. И все это происходило на фоне борьбы вузов за выживание, с одной стороны, и возросших потребностей в специалистах экономических специальностей – с другой¹.

Во второй половине 90-х годов появляются отечественные версии курсов по экономической теории, переводы, а несколько позже – и собственные версии учебников, посвященных отдельным разделам экономической теории: теории общественного выбора, институциональной экономики, экономике развития, аграрной экономике и т.д.; происходит утверждение новых стандартов экономического образования, осуществляются институциональные изменения в системе высшего образования в целом. Экономические вузы и факультеты находились в авангарде этих преобразований. Устойчивый рост спроса на экономическое образование на протяжении последних 15 лет не только позволил экономическим вузам выжить, но и привел к росту масштабов экономического образования. Будучи положительным явлением, этот процесс породил и большие проблемы, связанные прежде всего с качеством экономического образования².

Сегодня этой проблемой озабочены как представители бизнеса, так и специалисты в области образования, преподаватели, работники государственных органов. Однако, несмотря на растущее осознание этой проблемы и прилагаемые усилия, ее решение затруднено в силу ряда причин, и не в последнюю очередь – сложившейся за последние годы институциональной структурой рынка образовательных услуг в целом и сектора экономического образования в частности.

Определенные надежды как на повышение качества образования, так и на активизацию академических исследований возлагаются на установление более тесных связей между образованием и наукой. Однако, кроме общих для других дисциплин проблем, в экономической области возникают и специфические, определенные состоянием самой экономической науки, особенно ее теоретической составляющей, отдельные ас-

¹ Подробнее о динамике спроса и предложения на рынке экономического образования см.: «Основные тенденции в сфере подготовки кадров экономистов в России (1990–2005 гг.)» на с. 131–149 настоящего издания.

² См.: «Экономическое образование: проблемы качества и адекватности потребностям экономики» на с. 117–128 настоящего издания.

пекты которых обсуждаются на страницах данного издания. Состояние и уровень экономической науки и экономического образования будут скорее всего изменяться взаимосвязанным образом, причем нет основания надеяться, что недостатки одной будут нивелироваться достижениями другого.

Для российской науки по-прежнему актуальными остаются проблемы взаимодействия с мировой наукой, с одной стороны, и поиск «внутреннего консенсуса» – с другой, а для экономистов – освоение основного корпуса мировой экономической науки, вхождение в международные научные сообщества, интеграция в международные исследовательские структуры и т.д. и в то же время формирование национального научного сообщества. Это потребует значительного времени и усилий, но, как показывает история отечественной экономической науки в XX в., автаркия не совместима с процессом роста научного знания.

Н.М. Макашева